

Признаки злоупотребления гражданским правом. Злоупотребление обязанностями.

Императивное требование, содержащееся в пункте 1 статьи 10 ГК РФ, звучит в виде запрета на действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также на злоупотребление правом в иных формах. Следует обратить внимание, что речь идет о *намеренных*, т.е. об умышленных действиях лица. Запрет на причинение вреда и соответственно на его возмещение в той или иной мере явствует из, к примеру, статьи 15 ГК РФ (убытки), из норм обязательственного права (ст. 393 – 406 ГК РФ), из норм деликтного права, кондикции и т.д. Однако, отличительным признаком анализируемого положения будет *исключительность* намерения, с которым причиняется вред. Эта исключительность намерения в запретных действиях уже давно определяется через понятие "шикана".

Отсюда появляется закономерный вопрос: шикана – это действие с одной целью – причинить вред другому лицу либо у нарушителя наряду с указанной целью может присутствовать ещё одна или несколько целей? Стандартное определение шиканы как действия с исключительным намерением причинить вред другому лицу говорит о единственной цели. Но почему законодатель в рассматриваемой норме предпочел термин "с намерением", а не "с целью"? Почему акцент сделан больше на субъективную, психическую сторону нарушения, а не на конкретный результат действий? Попытаемся в этом разобраться.

С субъективной стороны употребление право "во зло" предполагает определенную упречность управомоченного лица. Случайное причинение вреда при осуществлении субъективного гражданского права уже не есть действие "во зло" и должно квалифицироваться по правилам деликтных правоотношений. При шикане, таким образом, поведение нарушителя легко квалифицируется как умышленное, а в остальных случаях установление формы вины представляет известные трудности.

Формально текст пункта 1 статьи 10 ГК РФ говорит о признаке намеренности только в отношении шиканы. Причем этот признак выражается в единственной, исключительной цели – причинить вред другому лицу. Следовательно, если умысел нарушителя будет содержать основную цель – причинение вреда – и хотя бы ещё одну параллельную, не связанную с причинением вреда цель, то деяние уже не будет относиться к "чистой" шикане, а будет квалифицироваться как "иная" форма злоупотребления правом.

Цель лица при злоупотреблении правом в классическом виде (шикана) – причинение вреда другому лицу с использованием своих правомочий. Побудительным мотивом к подобным злоупотребительным актам часто становятся мотивы мести, зависти, высокомерия, жадности т.п., то есть те процессы, которые происходят на психическом уровне человека. Главным же ориентиром при определении субъектом своих намерений является получение им удовлетворения от своей деятельности. К получению такого удовлетворения сводится суть его намерений. Мотивом, отсюда, называется моральное обоснование намерений.

Статья 10 ГК РФ, на первый взгляд, безразлична к тем мотивам, которые побудили нарушителя к злоупотребительным действиям. Но упречность нарушителя дается в виде сформировавшегося (но до конца не осознанного!) мотива – намерения. Намерение, как сдвинутый на цель мотив, является, по мнению законодателя, неотъемлемым элементом правонарушения, составляющего субъективную основу конструкции злоупотребления правом.

Все наши деяния совершаются нами в обществе, и поэтому их содержание получает определение особенности. Особенность, как мы знаем, связывает субъекта с обществом и опосредствует их собой. Такое особенное содержание общественно значимой деятельности людей определяется их собственными *намерениями*. Показательна здесь и сама этимология этого слова, где предусматривается определенная *мера* участия лица в жизнедеятельности общества: намерение, намерить, отмерить. И если в отношении умысла вопрос состоит в том, за какие последствия своих

поступков человек должен нести ответственность, а за какие нет, то в отношении намерений, касающихся уже отношения человека к интересам всего общества, вопрос заключается в том, кто должен определять их содержание: сам субъект или кто-то за него?

В том оправдательном по отношению к умыслу положении, что субъект несет ответственность только за те последствия своих деяний, о которых он знал и которых он хотел достичь, лежит необходимость перехода от умысла к *намерению*. Коль скоро человек является членом общества, то в силу этого все его деяния несут в себе некоторое общественно значимое содержание, которое определяется его намерениями. *Лицо, которое злоупотребляет правом, отменяет для себя общепринятое значение действующих в обществе законов и придает им в каждом конкретном случае свое собственное толкование. Тем самым он игнорирует всеобщее значение права и руководствуется при совершении поступков своим собственным эгоистическим намерением.*

Но могут ли *иные* формы злоупотребления правом проявляться не с умыслом, а по неосторожности, или хотя бы не с прямым, а с косвенным умыслом? Намерение отличается от желания и мотивов наличием у субъекта для себя сформулированной цели. Злоупотребление правом в отличие от других правонарушений производится средствами права. Именно в этом его отличительная особенность и именно эта "модель" целиком входит в ту программную деятельность, которую предварительно формирует в своём сознании нарушитель. Осознание средства, с помощью которого достигается цель, делает невозможным протекание всех психических процессов нарушителя иначе, чем в форме прямого умысла.

Отсюда вывод: как шикана, так и любые другие формы злоупотребления правом могут совершаться лицом только с прямым умыслом, т.е. преднамеренно. Действия, совершенные непреднамеренно, либо по неосторожности должны квалифицироваться либо по частным нормам ГК РФ либо в контексте деликтных обязательств.

По общепринятому правилу юридическое значение злоупотребительное "намерение" приобретает только при проявлении его во внешних действиях. И

это верно, поскольку именно в действиях обнаруживается ближайшее, т.е. непосредственное выражение воли.

Относится ли отсюда злоупотребительное поведение вообще к понятию "юридическое действие"? Является ли злоупотребление правом гражданским правонарушением или оно находится "вне поля" гражданского права? Тем более, эти вопросы актуальны, что статья 10 ГК РФ запрещает *действия* граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Законодатель не уточняет, что можно отнести к таким действиям, и складывается впечатление, что речь идет вообще о *любых* действиях, а не только о правоосуществлении.

Немного прояснили ситуацию с злоупотребительными действиями Пленум Верховного Суда РФ и Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ, которые в совместном постановлении от 1 июля 1996 года № 6/8 "О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" указали, что "отказ в защите права со стороны суда допускается лишь в случаях, когда материалы дела свидетельствуют о совершении гражданином или юридическим лицом действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом... в частности действий, имеющих своей целью причинить вред другим лицам" (пункт 5 постановления). Исходя из прямого анализа текста данного источника, отказ в защите права допускается не в результате *любых* злоупотребительных действий, а лишь при злоупотреблении *правом*, т.е. когда средством правонарушения является то или иное гражданское право. В качестве примера приведена шикана, т.е. действие, имеющее исключительную цель – причинить вред другому лицу. Пленумы замечательно в этом плане "подправили" закон, (т.е. статью 10 ГК РФ) который под шиканой, да и под любой формой злоупотребления правом, понимает не только действия с использованием гражданского права, но *любые* действия, совершаемые с исключительным намерением причинить вред другому лицу. В текст пункта 1 статьи 10 ГК РФ, таким образом, изначально было заложено непримиримое юридическое

противоречие: с одной стороны, законодатель под шиканой понимает *любые действия* как с использованием гражданского права, так и без его использования (что по своей сути составляет уже обычный деликт), а с другой стороны, запрещает иные формы злоупотребления *правом*.

Формальная юридическая логика, в этой связи, требует устранить "деликтную" составляющую шиканы, и тогда норма пункта 1 статьи 10 ГК РФ перестанет вызывать недоумение у многих цивилистов, а пункт 1 статьи 10 ГК РФ было бы разумным изложить, например, в следующей редакции: "Не допускается правосуществование, совершаемое исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах". В такой редакции мы избавляемся одновременно и от второго противоречия, содержащегося в норме статьи 10 ГК РФ, пункт 2 которой, предусматривая возможность отказа в защите, речь ведет о принадлежащем лицу *праве*. Лицо, которому отказывают, должно быть не любым лицом в состоянии действия, а именно *управомоченным* лицом, т.е. находиться в состоянии формального правосуществования. В предлагаемой редакции пункт 1 статьи 10 ГК РФ перестал бы противоречить и пункту 3 той же статьи, диспозиция которой говорит не о *любых действиях*, а о *правоотношениях*, т.е. ситуации правосуществования: "В случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти *права* разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских *правоотношений* предполагаются".

Злоупотребление правом – есть всегда действие, выраженное в форме того или иного целенаправленного юридического акта. В ином случае шикану, например, ничем нельзя было бы отличить от обычного деликта, т.е. от причинения вреда (пусть и с явным намерением). Суть злоупотребления правом даже при шикане образует то или иное правосуществование в форме того или иного юридического акта.

Отсюда делаем вывод, что к действиям, определяемым статьей 10 ГК РФ, могут относиться только акты правосуществования, правопользования,

правореализации, которые и составляют одну из отличительных черт злоупотребления правом.

Рассматривая действия, связанные со злоупотреблением права, с точки зрения гражданского правонарушения отметим, что *непременным признаком* любого правонарушения является *противоправность* поведения. Ряд авторов предлагают не отождествлять неправомерное и противоправное поведение. Понятие противоправности законом не уточняется. Отсюда справедливый вопрос: является ли злоупотребление правом действием противоправным, неправомерным, противозаконным либо просто не соответствующим закону? Вопрос не праздный, поскольку современная теория гражданского права различает эти признаки поведения. Обратимся для примера к статье 168 ГК РФ, которая устанавливает, что сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна. Однако, это не означает, что любая такая сделка является противоправной. Сделка может не соответствовать не только запретам и безусловно-императивным обязанностям, но также и таким требованиям, несоблюдение которых не является противоправным, а влечет лишь непризнание юридической силы за соответствующей сделкой. Правомерность или неправомерность, следовательно не являются сущностным признаком недействительной сделки: она может быть как неправомерной (например, сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности – ст. 169 ГК РФ), так и правомерной (например, сделка, совершенная недееспособным, сделка, совершенная под влиянием заблуждения и т.д.)¹.

Отметим, что в функциях института недействительности сделок содержится не только направленность на вытеснение нежелательных явлений из гражданских правоотношений, но и регулирующая составляющая – исправить уже создавшееся правоотношение, ввести его при определенных условиях в гражданско-правовой оборот, в рамки правового поля. Формальное несоблюдение требований закона не поощряется правом, но не является

---

¹ См. Гнутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. – М.: Книжный мир. 2005. С. 39.

правонарушением в его собственном смысле. Институт недействительности сделок, отсюда, в условиях принципа свободы договора предпочитает "тонкую" настройку правового режима. Не всякое отступление от норм права означает противоправность сделки.

В.П. Грибанов, говоря о специфичной черте злоупотребления правом писал, что особенность злоупотребления правом состоит в том, что оно возникает на базе осуществления субъективного права, т. е. на базе *дозволенного* законом поведения¹. Необходимо уточнить, что, конечно, речь идет о формальной "дозволенности" частных норм права, а не о дозволенности закона в целом.

Несомненно, что статья 10 ГК РФ по своему характеру является строго запретительной нормой. При этом, если произвести анализ статьи 10 ГК с точки зрения структуры нормы, то мы наблюдаем фактически слияние гипотезы и диспозиции и наоборот четкое выделение санкции. Как известно из теории права основные виды юридических норм по своим функциональным характеристикам следующие: а) регулятивные и правоохранительные; б) императивные и диспозитивные; в) управомочивающие, запрещающие либо обязывающие. Норма статьи 10 ГК РФ отсюда является правоохранительной (двучленная структура – гипотеза и санкция), запрещающей и, соответственно, императивного характера. Отсюда противоправность означает не всякое отступление от норм права, а именно нарушение императивных норм, выражающих запреты или обязанности, установленные объективным правом². В.П. Грибанов, О.С. Иоффе и др. отмечали, что "противоправность злоупотребления правом заключается в нарушении норм права либо общих правовых принципов (общих начал и смысла гражданского права, а также в несоблюдении лицом юридических обязанностей независимо от того, вытекают ли они из запретов, предписаний или дозволений. Исходя из методов регулирования гражданского права, известные учёные противоправность определяют как действие, нарушающее

¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: "Статут", 2000. С. 55.

² См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. ВИЮН. Ученые труды, Вып. III. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940, С. 140.

"выраженные в нормах запреты"¹, независимо от форм воздействия – запреты, предписания или дозволения".

Поскольку статья 10 ГК РФ как "центральная" норма правила о недопустимости злоупотребления правом относится по методу регулирования, к запрещающим нормам, то это обусловило для всех субъектов права установление юридической обязанности – не совершать действий с использованием гражданских прав во вред другим лицам. Определение такой юридической обязанности является, в свою очередь, одной из важнейших правовых гарантий свободного осуществления субъективных гражданских прав. *Отсюда, противоправным будет считаться недобросовестное поведение субъектов гражданских прав, нарушающее не только конкретные нормы права, но и общие начала гражданского законодательства, выраженные в правовых принципах и, в частности, в принципе юридического равенства и вытекающего из него принципа добросовестного осуществления прав.*

Одна из задач законодателя состоит в том, чтобы, устанавливая в законах конкретные гражданские права, сразу же определять и границы их осуществления. Установив такие границы с помощью дозволительных, ограничивающих либо запрещающих норм, проблема "надлежащего" осуществления права по большей части перетекает в само содержание гражданского права и становится его неотъемлемой сущностью. Например, если к моменту совершения сделки купли-продажи в отношении проданного имущества имелись притязания третьих лиц (впоследствии признанных правомерными), а приобретателю было известно об этих притязаниях, то появляется фигура недобросовестного приобретателя, знавшего о юридическом пороке имущества, но употребившего свои "права покупателя" "во зло" собственнику. Подпадают ли действия недобросовестного приобретателя в таком случае под положения статьи 10 ГК РФ? В общем плане полагаем, да. Но на неё нет смысла ссылаться, поскольку в кодексе есть

---

¹ См.: Рахмилович В.А. О противоправности как основании гражданской ответственности. "Советское государство и право", 1964, № 3, стр. 53.

специальные статьи (167, 301, 302 ГК), напрямую регулирующие частные случаи злоупотребления правом.

Таким образом, статья 10 ГК РФ как норма прямого действия работает только в том случае, если нет соответствующей специальной нормы, либо в том случае, если специальная норма не способна в силу своего юридического содержания качественно разрешить стоящую перед ней задачу.

В состав любого гражданского правонарушения наряду с противоправностью и виной включаются также вред и причинная связь между противоправным поведением лица и наступившими последствиями. Некоторые авторы при этом указывают на такую, по их мнению, проблему объективной стороны злоупотребления правом, как то, что из содержания статьи 10 ГК РФ неясно, является ли причинение вреда другим лицам обязательным признаком для злоупотребления правом или нет¹.

Несомненно, что причинение вреда при осуществлении права в соответствии с его действительным назначением не должно рассматриваться как злоупотребление правом. Более того, некоторые права вообще невозможно реализовать без причинения вреда другому лицу. К таковым относятся, например, право на конкуренцию, право на самозащиту, удержание вещи, некоторые оперативные меры реагирования и т.п. К тому же, во многих случаях, как мы говорили ранее², нарушителю безразлично причиняет он кому-либо конкретный вред или нет, поскольку чаще всего он преследует под видом правоосуществления свою собственную, корыстную цель. Шикана же в практике – это редкое явление.

Сам Гражданский кодекс говорит лишь о недопустимости действий, осуществляемых с исключительным намерением причинить вред другому лицу. Наступление общественно вредных последствий этих действий в качестве обязательного признака статья 10 ГК РФ при дословном анализе не предусматривает. Таким образом, следует исходить из общего гражданско-

---

¹ См.: *Максименко С.Т.* Возникновение гражданских прав и обязанностей. Осуществление и защита гражданских прав // Гражданское право России: Учебник. Ч. 1 / Под ред. З.И. Цыбуленко. С. 248.

² См. Подробнее *Волков А.В.* Теория концепции: "Злоупотребление гражданскими правами". Волгоград. 2007г.

правового правила о том, что защите гражданские права подлежат до появления фактического ущерба, т.е. уже при угрозе причинения вреда (ст. 12 ГК РФ). Логика законодателя в этом плане понятна: необходимо предупреждать причинение вреда, не дожидаться его наступления, исходя из регулирующего и компенсационного характера гражданского законодательства. В противном случае мы сведем к нулю всю регулятивно-профилактическую функцию гражданско-правовой системы. В равной мере это относится как к шикане, так и к другим формам злоупотребления правами.

К сказанному следует заметить, что именно на потерпевшем (либо на лице, который потенциально может стать потерпевшим) лежит бремя доказывания того факта, что основной целью действий правонарушителя было причинение ему вреда, поскольку это обусловлено провозглашенной в пункте 3 статьи 10 Гражданского кодекса РФ общей презумпцией разумности и добросовестности действий участников гражданских правоотношений. Управомоченное лицо, таким образом, считается поступающим разумно и добросовестно, пока не будет доказано иное.

Отсюда делаем вывод, что наличие вреда (в его материализованном, а не идеальном смысле) не может являться обязательным признаком для квалификации поведения в качестве злоупотребительного, если только причинение вреда не произошло с помощью самой статьи 10 ГК РФ, где отказ в защите права был "преобразован" в средство причинения вреда. Однако этот случай заслуживает отдельного анализа¹.

С учетом высказанных выше положений, возникает последняя в этой статье специфическая проблема: а возможна ли ситуация злоупотребления гражданскими обязанностями?

Статья 10 ГК РФ в общем плане устанавливает запрет на злоупотребительные "действия", а также на злоупотребление правом в "иных формах". Из системного анализа этих понятий мы установили, что при злоупотреблении правом речь всегда идет о "правопользовании" как о неотъемлемом признаке исследуемого недобросовестного поведения. С этой

---

¹ См. Подробнее Волков А.В. Теория концепции: "Злоупотребление гражданскими правами". Волгоград. 2007г.

точки зрения, казалось бы, злоупотреблению гражданско-правовыми обязанностями нет места в конструкции злоупотребления правами. Однако, у исследуемой проблемы как минимум две грани.

Целостность любого субъективного гражданского права нарушается неисполнением лицом, заложенной в нём же (субъективном гражданском праве) системной обязанности – не использовать свое право в качестве средства для причинения вреда другим участникам гражданского оборота. Обязанность эта касается самого носителя права и направлена на сдерживание его эгоистических намерений. Правотребования на "чужие" действия образуют суть гражданско-правовых обязанностей, которые в неразрывном взаимодействии с субъективными гражданскими правами составляют содержание правоотношения.

Любое доктринальное определение понятию "гражданско-правовая обязанность" содержит в себе указание на то, что это "вид и мера поведения", предписанные субъекту законом либо договором. При этом, если "вид" подразумевает качественную характеристику поведения, его форму и содержание, внутреннюю сущность, то "мера" – некие границы, в которых обязанное лицо должно совершить те или иные действия в пользу кредитора. Эти границы могут быть временные, пространственные и любые другие. В этих, даже самых узких границах, всегда наличествует для лица "возможность" исполнить свою обязанность тем или иным образом, в тот или иной срок, в том или ином месте, в таких или иных условиях. Аналогично тому, как в любом субъективном гражданском праве содержится обязанность для субъекта – добросовестно осуществлять свои права, так и в любой гражданско-правовой обязанности заложена формула: "право (в известных границах) на исполнение своей обязанности". Именно такое "мини-право" в составе обязанности может быть предметом злоупотребительного поведения и по своей сущности ничем, кроме своей юридической оболочки, не отличаться от "стандартного" злоупотребления правом. Другое дело, что злоупотребление гражданско-правовыми обязанностями представляет для практикующих юристов двойную трудность в их распознавании. Однако внимательная

квалификация правонарушения в виде злоупотребления гражданско-правовыми обязанностями охватывается правовым режимом статьи 10 ГК РФ и должна базироваться, на наш взгляд, именно на вышеприведенной теоретической конструкции.

Обобщая вышесказанное, определим основные гражданско-правовые характеристики злоупотребительного поведения "управомоченного" субъекта:

1. Злоупотребление правом – это юридический акт правопользования, правореализации, правоосуществления, характеризующийся признаками гражданского правонарушения.

2. Злоупотребление правом – это проявление системного "сбоя" норм в гражданском праве, который тем не менее предупреждается и удаляется другими системными средствами права.

3. Носитель права нарушает содержащуюся в его субъективном гражданском праве, единственную обязанность – добросовестно использовать свое субъективное право; он не признает и не уважает права других участников правоотношений, проявляя "злую", несвободную волю.

4. При злоупотреблении правом субъекты права находятся в состоянии правоотношений, в которых, нарушитель свою незаконную цель оправдывает с помощью внешне законного средства – гражданского права (либо правомочия).

5. Умысел нарушителя направлен на внутреннюю сущность права – создание средствами права неравенства, а не на конкретный имущественный ущерб. Материальный вред, в этой связи, не является обязательным признаком злоупотребления правом.

6. В ситуации злоупотребления правом применение специальных норм, четко и понятно регулирующих злоупотребительное поведение, невозможно. В этом случае "работает" только норма-принцип, т.е. статья 10 ГК РФ, а специальная норма (чаще всего являющаяся средством злоупотребления) не в состоянии своим содержанием справиться с возникшей проблемой.

7. В качестве средства для злоупотребления субъектом используется формальное гражданское право в его самом узком, нормативно-догматическом состоянии.

8. Злоупотребление правом – это искусственная ситуация, которая не может не сознаваться правонарушителем и характеризуется, следовательно, как умышленное, намеренное поведение субъекта, имеющего скрытую незаконную цель, а отсюда и незаконное, хотя внешне правомерное средство – гражданское право.

9. Средством злоупотребления может быть не только гражданское право, но и гражданско-правовая обязанность, всегда содержащая в себе определенные возможности (правомочия) для обязанного субъекта.

Из основных характеристик злоупотребительного правонарушения синтезируем собственное определение понятию "злоупотребление гражданским правом" – это особый вид гражданского правонарушения, связанного с умышленным выходом управомоченного лица за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием юридического формализма гражданского права, как-то: пробелы, оговорки, недостатки, узость, противоречия правовых норм и договорных условий.